Master Negative Storage Number

OCI00053.08

Ouida

Nello i Patrash

Moskva

1900

Reel: 53 Title: 8

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00053.08

Control Number: BGM-7022
OCLC Number : 24918450
Call Number : W 381.5917N Ou4n no. 1
Author : Ouida, 1839-1908.
Title : Nello i Patrash / razskaz Uida ; perevod s angliiskago.
Imprint : Moskva : Tip. Vil'de, 1900.
Format : 36 p. ; 16 cm.
Note : Illustrated cover.
Note : "No. 292."
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: CS

7428

НЕЛЛО и ПАТРАШЪ.

ДШАЧТАП Н ОЦЛЯН

НЕЛЛО И ПАТРАШЪ.

РАЗСКАЗЪ УЙДА.

Переводъ съ англійскаго.

№ 292.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 августа 1899 г.

I.

Нелло и Патрашъ остались совсѣмъ одни на свѣтѣ.

Ихъ связывала самая тѣсная дружба. Нелло былъ маленькій мальчикъ, Патрашъ была большая собака.

Оба они были однихъ лѣтъ, но одинъ былъ еще молодъ, а другая уже стара. Почти всю жизнь провели они вмѣстѣ: оба были одинокими сиротами, вскормленными одной и той же рукой. Съ этого-то и началась ихъ связь и росла съ каждымъ днемъ, пока не превратилась въ прочную, беззавѣтную дружбу.

Они жили въ маленькой хижинѣ, на краю фламандской *) деревни, въ верстѣ отъ Антверпена, посреди обширныхъ полей и золотистыхъ нивъ. Вся деревня состояла изъ десятковъ двухъ домиковъ, съ ярко-зелеными или свѣтло-голубыми ставнями, съ розовато-красными, черными или бѣлыми, и съ бѣлыми, какъ снѣгъ, блестѣвшими на солнцѣ стѣнами. Посреди деревни, на обросшемъ мохомъ пригоркѣ, стояла вѣтряная мельница. Когда-то, во времена ея юности, полвѣка тому назадъ, вся мельница была выкрашена въ красную краску, теперь же она сильно загорѣла отъ вѣтра и непогоды. Она какъ-то странно вертѣлась, порывисто и неровно, какъ будто страдала отъ старости суставнымъ ревматизмомъ; но тѣмъ не менѣе, она

*) Фламандскій край находится въ небольшомъ Бельгійскомъ государствѣ, которое лежитъ между Франціей и нѣмецкими землями.

служила всему околотку, и крестьяне сочли бы такимъ же грѣхомъ отвезти рожь куда-нибудь въ другое мѣсто, какъ и прослушать обѣдню гдѣ-нибудь на сторонѣ, а не въ своей старенькой сѣрой церкви съ остроконечной колокольней. Эта церковь стояла противъ мельницы, и ея единственный колоколъ звучалъ утромъ, въ полдень и вечеромъ съ той тихой грустью, которая свойственна всѣмъ колоколамъ Нидерландовъ.

Печальный звонъ этого колокола долеталъ до хижины, гдѣ жили Нелло и Патрашъ, и они слышали его съ тѣхъ поръ, какъ помнили себя. На сѣверо-востокѣ былъ виденъ шпикъ Антверпенскаго собора, а за нимъ простирались безконечные зеленые луга и необозримыя нивы.

Это была хижина очень бѣднаго старика, стараго Ивана Дааса, когда-то побывавшаго въ солдатахъ и помнившаго всѣ ужасы войны. Старикъ ничего не выслужилъ на войнѣ и возвратился калѣкой.

Когда старому Ивану Даасу стукнуло полныхъ восемьдесятъ лѣтъ, дочь его умерла и оставила ему въ наслѣдство своего двухлѣтняго сына. Старикъ горячо привязался къ своему внуку, Нелло *).

Ихъ убогая глиняная хижина, бѣленькая и чистенькая, какъ морская раковина, стояла въ садикѣ, гдѣ росли бобы, трава и тыквы.

Они были очень, очень бѣдны; часто случалось, что имъ было нечего ѣсть. Старикъ былъ очень добръ и ласковъ къ мальчику, а у мальчика была прекрасная, честная и нѣжная душа. Они были вполнѣ довольны, когда у нихъ была корка хлѣба и кочанъ капусты, и просили у неба лишь одного: чтобы Патрашъ всегда былъ съ ними.

*) Нелло—уменьшительное отъ имени Николай.

Патрашъ былъ для нихъ единственнымъ ихъ сокровищемъ и ихъ богатствомъ, ихъ слугой и работникомъ, ихъ единственнымъ другомъ и утѣшителемъ. Если бы Патрашъ околѣлъ или покинулъ ихъ, то они навѣрное бы погибли, потому что старый Иванъ Даасъ былъ калѣкой, а Нелло еще ребенкомъ.

Это была большая фландрская желтая собака, коренастаго сложенія, съ длинными ушами, съ согнутыми ногами и широкими, мускулистыми лапами, наслѣдіемъ нѣсколькихъ поколѣній, проведшихъ жизнь въ тяжеломъ трудѣ. Патрашъ былъ изъ тѣхъ собакъ, которыя всю жизнь служатъ народу, надрываются надъ непосильными тяжестями и околѣваютъ на мостовой.

Родители Патраша всю жизнь работали на острыхъ камняхъ различныхъ городовъ и на длинныхъ, знойныхъ и утомительныхъ дорогахъ Фландріи. Ему остались въ наслѣдство трудъ и горе. Его вскормили бранью и побоями. Еще щенкомъ онъ уже узналъ всю тяжесть ошейника и телѣжки. Ему еще не минуло тринадцати мѣсяцевъ, какъ онъ попалъ въ руки одному коробейнику, постоянно странствовавшему по всей странѣ, съ сѣвера на югъ отъ синяго моря къ зеленымъ горамъ. Патраша продали очень дешево, потому что онъ былъ еще щенокъ.

Купившій его торговецъ былъ грубый, жестокій пьяница; онъ нагружалъ свою телѣгу горшками, кастрюлями, ведрами и другими глиняными, жестяными и мѣдными издѣліями и заставлялъ Патраша все это тащить, а самъ шелъ лѣниво рядомъ, покуривая свою черную трубку и заходя по пути въ каждый трактиръ.

Къ счастью или къ несчастью, Патрашъ былъ очень силенъ. Онъ не околѣлъ, но влачилъ свое

жалкое существованіе, надрываясь надъ тяжелой ношей, испытывая голодъ, холодъ, жажду, брань и побои.

Однажды, послѣ двухъ лѣтъ такой каторжной жизни, Патрашъ тащился, по обыкновенію, по одной изъ пыльныхъ, скучныхъ дорогъ, ведущихъ въ городъ Антверпенъ. Стоялъ жаркій лѣтній день. Телѣжка была очень тяжела; она была доверху нагружена глиняной и жестяной посудой. Его хозяинъ шелъ рядомъ, изрѣдка подгоняя его кнутомъ; при этомъ усталое животное каждый разъ вздрагивало всѣмъ тѣломъ.

Патрашъ выбился изъ силъ. Онъ шелъ подъ знойными лучами солнца, изнемогая подъ непомѣрной тяжестью телѣги и ударами кнута; онъ уже сутки ничего не ѣлъ и весь день ничего не пилъ. Вдругъ онъ пошатнулся, у рта его показалась пѣна, и онъ упалъ.

Онъ лежалъ посреди бѣлой пыльной дороги, на самомъ солнечномъ припекѣ; онъ смертельно усталъ. Его хозяинъ сталъ его потчевать пинками, руганью и ударами дубины. Но Патрашъ уже, казалось, не слышалъ проклятій и не чувствовалъ дубины.

Скоро торговецъ убѣдился, что его дубина и ругательства не дѣйствуютъ; думая, что собака околѣла, онъ ее еще разъ ругнулъ на прощанье, снялъ съ нея упряжь, пихнулъ ее ногой въ траву и, ворча и бранясь, лѣниво потащилъ телѣжку на гору, а околѣвающую собаку оставилъ на съѣденіе муравьямъ и воронамъ.

Это было наканунѣ Лувенской ярмарки, и торговецъ торопился занять на ней выгодное мѣстечко. Онъ страшно злился, потому что ему приходилось поневолѣ самому тащить телѣжку до самаго Лувена. Но ему въ голову не пришло ос-

тановиться и взглянуть на Патраша: околѣвающая собака была безполезна а взамѣнъ ея онъ рѣшилъ взять первую большую собаку, которая ему попадется навстрѣчу безъ хозяина. Патрашъ ему почти ничего не стоилъ, а работалъ какъ волъ всѣ эти два года, съ утра до вечера, лѣтомъ и зимой, въ хорошую и дурную погоду.

Теперь же онъ оставилъ Патраша въ оврагѣ. Неужто изъ-за околѣвающей собаки терять время и деньги?

II.

Патрашъ лежалъ въ поросшемъ травой оврагѣ. Въ этотъ день всѣ спѣшили въ Лувенъ, и много пѣшихъ и конныхъ прошло мимо Патраша; но никто не обратилъ на него вниманія: какое имъ дѣло до мертваго пса?

Но вотъ за толпой разряженныхъ крестьянъ прошелъ слабый, сгорбленный и хромой старичокъ. Онъ не имѣлъ праздничнаго вида; одѣтый очень бѣдно, онъ медленно двигался по пыльной дорогѣ. Взглянувъ на Патраша, старикъ остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ, потомъ опустился на траву оврага и съ состраданіемъ осмотрѣлъ собаку. Съ нимъ былъ маленькій розовый, бѣлокурый, черноглазый мальчикъ, который, выглядывая изъ-за кустовъ, пристально смотрѣлъ на бѣдное большое неподвижное животное.

Такъ встрѣтились впервые маленькій Нелло и Патрашъ. Старикъ Иванъ Даасъ съ неимовѣрными усиліями протащилъ несчастную собаку въ свою маленькую хижину среди поля. Онъ такъ заботливо за ней ухаживалъ, что собака выздоровѣла, силы въ ней возвратились, и она стала на свои крѣпкія, толстыя лапы.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль собака была очень слаба и близка къ смерти; но за все это время она не слышала ни одного браннаго слова; надъ ней раздавался лишь милый дѣтскій голосъ, къ ней прикасалась лишь ласковая рука старика.

Ей предоставили уголъ въ хижинѣ и устроили ей постель изъ соломы; они прислушивались къ ея дыханію, стараясь узнать, жива ли она или нѣтъ; а когда она выздоровѣла и въ первый разъ громко залаяла, то они засмѣялись и чуть не заплакали отъ радости. Маленькій Нелло, въ порывѣ восторга, украсилъ ей шею вѣнкомъ изъ маргаритокъ и цѣловалъ ее въ морду своими свѣжими, розовыми губами.

Когда Патрашъ выздоровѣлъ и снова себя почувствовалъ сильнымъ и крѣпкимъ, въ его большихъ умныхъ глазахъ выразилось удивленіе, что его не будятъ здѣсь руганью и не погоняютъ ударами, и въ его сердцѣ проснулась всесильная любовь, — любовь, которой онъ остался вѣренъ всю свою жизнь.

Патрашъ былъ благодаренъ, какъ и всѣ собаки. Онъ лежалъ и слѣдилъ своими умными и добрыми глазами за каждымъ движеніемъ своихъ друзей.

Старый солдатъ Иванъ Даасъ занимался тѣмъ, что ежедневно отвозилъ въ Антверпенъ на своей телѣжкѣ кувшины съ молокомъ тѣхъ счастливыхъ крестьянъ, которые имѣли коровъ; этимъ онъ зарабатывалъ себѣ кусокъ хлѣба. Крестьяне давали ему эту работу отчасти изъ состраданія, отчасти потому, что имъ пріятно было поручать свое молоко такому честному человѣку, какъ Даасъ, а самимъ оставаться дома и смотрѣть за своимъ хозяйствомъ. Но этотъ трудъ становился слишкомъ тяжелымъ для старика. Ему уже было восемьдесятъ три года, а до Антверпена была добрая верста ходьбы,

Лежа на солнцѣ, съ вѣнкомъ маргаритокъ на шеѣ, Патрашъ наблюдалъ, какъ старикъ приносилъ и увозилъ кувшины съ молокомъ.

На слѣдующее утро, прежде чѣмъ старикъ успѣлъ подойти къ телѣжкѣ, Патрашъ всталъ между ея двумя оглоблями, показывая, что онъ готовъ зарабатывать тотъ хлѣбъ, который ему давали изъ милосердія. Иванъ Даасъ не сразу согласился: ему казалось безсовѣстнымъ принуждать собаку къ такому тяжелому труду.

Но Патрашъ былъ упрямъ: видя, что его не запрягаютъ, онъ попробовалъ тащить телѣжку зубами. Тогда старикъ уступилъ, побѣжденный настойчивостью и благодарностью спасеннаго имъ животнаго. Съ этихъ поръ собака ежедневно возила молоко въ Антверпенъ.

Не разъ, зимою, Иванъ Даасъ благословлялъ судьбу, натолкнувшую его на умиравшую въ оврагѣ собаку: онъ былъ очень старъ, онъ съ каждымъ годомъ слабѣлъ, и ему было бы очень трудно тащить теперь телѣжку по снѣгу и по скользкой дорогѣ, если бы ему не помогалъ такой сильный и трудолюбивый товарищъ. Что же касается Патраша, то эта жизнь казалась ему раемъ. Послѣ тѣхъ ужасныхъ тяжестей, которыя его прежній хозяинъ заставлялъ его возить, подгоняя его на каждомъ шагу кнутомъ и бранью, Патрашу казалось забавой тащить легкую свѣтлозеленую телѣжку съ блестящими мѣдными кувшинами, въ то время, какъ рядомъ съ нимъ ковылялъ добрый и ласковый старикъ. Его работа кончалась въ три или четыре часа пополудни, а послѣ нея онъ былъ совершенно свободенъ; онъ могъ вытянуться и греться на солнцѣ, бродить по полямъ, бѣгать съ Пелло или играть со своими друзьями-собаками. Патрашъ былъ очень счастливъ.

Прежній его хозяинъ былъ убитъ въ дракѣ на ярмаркѣ, такъ что никто его не разыскивалъ и не безпокоилъ въ его новомъ, любимомъ домѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ старый Иванъ Даасъ, который давно ужъ былъ калѣкой, совсѣмъ ослабъ: его разбило параличомъ, такъ что онъ не могъ болѣе ходить съ телѣжкой. Тогда маленькій, шестилѣтній Нелло, хорошо знавшій городъ и часто сопровождавшій дѣда, замѣнилъ его и сталъ продавать молоко, получать деньги и разносить ихъ хозяевамъ.

Маленькій Нелло былъ прелестный ребенокъ, съ темными, серьезными, нѣжными глазами, съ очаровательнымъ румянцемъ и бѣлокурыми кудрями, падавшими ему на плечи. Художники приходили въ восхищеніе отъ живописной группы: зеленой телѣжки съ мѣдными кувшинами, большой темно-бурой собаки, въ сбруѣ съ бубенцами, и маленькой фигуры бѣгущаго рядомъ ребенка, въ большихъ деревянныхъ башмакахъ, съ кроткимъ, серьезнымъ и счастливымъ личикомъ, похожимъ на дѣтскія лица въ картинахъ великаго художника Рубенса. Часто ихъ даже останавливали и срисовывали.

Нелло и Патрашъ такъ хорошо и весело исполняли свою работу, что и лѣтомъ Ивану Даасу не нужно было тащиться въ городъ; онъ могъ сидѣть на крыльцѣ, дремать на солнышкѣ и мирно ожидать ихъ возвращенія. Возвратясь домой, Патрашъ съ веселымъ лаемъ освобождался изъ своей упряжи, а Нелло съ гордостью разсказывалъ о событіяхъ дня; затѣмъ всѣ они весело садились за обѣдъ, состоявшій изъ ржаного хлѣба и молока или похлебки, и глядѣли, какъ тѣни спускались на обширную равнину и окутывали шпиль собора; тогда они ложились мирно спать, а старикъ тихо читалъ молитвы.

Такъ проходили дни и годы. Нелло и Патрашъ чувствовали себя счастливыми.

Весной и лѣтомъ имъ жилось особенно хорошо. Фландрія—некрасивая страна, и окрестности Антверпена мало живописны. Луга и нивы безконечно чередуются и придаютъ равнинѣ что-то тоскливое своимъ утомительнымъ однообразіемъ; только какая-нибудь угрюмая сѣрая башня, съ которой раздается унылый звонъ колоколовъ, или дровосѣкъ, идущій по полю съ вязанкой дровъ, или жнецъ, несущій снопъ колосьевъ, оживляютъ нѣсколько видъ. Кто привыкъ жить среди горъ и лѣсовъ, тому непремѣнно станетъ скучно во Фландріи.

Но эта страна плодородна; на берегахъ, посреди камышей, растутъ цвѣты и возвышаются стройныя, свѣжія деревья; мимо нихъ плывутъ баржи съ маленькими зелеными боченками и разноцвѣтными, развѣвающимися флагами.

Во всякомъ случаѣ здѣсь было довольно зелени и простору для ребенка и для собаки, и они были счастливы, когда, послѣ работы, лежа на травѣ, на берегу канала, они могли глядѣть на тяжело нагруженныя суда, которыя медленно проплывали мимо нихъ и какъ будто приносили съ собой свѣжій морской воздухъ.

Правда, зимой было тяжелѣе; имъ приходилось вставать, когда еще было темно и очень холодно; рѣдко имъ удавалось поѣсть досыта, а въ длинныя зимнія ночи въ хижинѣ было холодно какъ въ сараѣ. Весной и лѣтомъ хижина была очень красива: она была вся покрыта роскошной зеленью винограда. Но зимой вѣтеръ дулъ въ щели бѣдной маленькой хижины; иногда весь полъ заливало водой, которая потомъ замерзала.

Маленькія ножки Нелло коченѣли отъ снѣгу,

и льдины рѣзали здоровыя, неутомимыя лапы Патраша.

Но они не жаловались. Деревянные башмаки ребенка и крѣпкія лапы собаки бодро бѣжали по замерзшему полю, подъ веселый звонъ бубенчиковъ; и если иногда какая-нибудь добрая хозяйка въ Антверпенѣ имъ давала чашку супа и ломоть хлѣба, или какой-нибудь щедрый торговецъ бросалъ нѣсколько полѣнъ дровъ въ телѣжку, когда она отправлялась домой, или какая-нибудь добрая женщина изъ ихъ деревни дарила имъ немного молока, тогда они бѣжали веселые и счастливые по бѣлому полю и вбѣгали домой съ радостнымъ крикомъ.

Итакъ вообще имъ жилось хорошо, и Патрашъ, встрѣчая по дорогѣ собакъ, работавшихъ день и ночь, подгоняемыхъ руганью и кнутомъ и затѣмъ околѣвающихъ отъ холода и голода на улицѣ, считалъ себя счастливѣйшимъ въ мірѣ существомъ и горячо благодарилъ судьбу. Онъ радостно исполнялъ свой долгъ.

III.

Только одно безпокоило Патраша. Нелло часто входилъ въ большія каменныя церкви Антверпена и исчезалъ на нѣсколько часовъ подъ ихъ темными сводами, а Патрашъ, лежа на мостовой, безконечно долго его ждалъ и напрасно ломалъ себѣ голову надъ причиной такого долгаго исчезновенія Нелло. Раза два онъ попытался самъ посмотрѣть и взобрался съ телѣжкой на ступени паперти; но его оттуда каждый разъ выгонялъ сторожъ въ черномъ платьѣ, съ серебряной цѣпью на шеѣ. Патраша не тревожило то, что Нелло заходилъ въ церкви; онъ зналъ, что всѣ поселяне ходятъ въ маленькую, обветшалую деревенскую

церковь, стоящую противъ красной вѣтряной мельницы. Но его безпокоило то, что Нелло выходилъ всегда оттуда какой-то странный: то страшно блѣдный, то красный и возбужденный, а придя домой не рѣзвился и не игралъ, а молча сидѣлъ задумчивый и грустный, часами глядя на вечернее небо.

„Что бы это такое могло быть?“ думалъ Патрашъ. Ему казалось, что маленькій мальчикъ не долженъ быть такимъ серьезнымъ, и онъ всѣми силами старался удержать Нелло около себя, на ярко освѣщенныхъ солнцемъ поляхъ или базарныхъ площадяхъ. Но Нелло все-таки ходилъ въ церкви; чаще всего онъ заходилъ въ большой соборъ и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока желѣзныя ворота закрывались. Тогда онъ поневолѣ выходилъ и, обнявъ собаку, цѣлуя ее въ морду, говорилъ все одни и тѣ же непонятныя слова:

— Ахъ, Патрашъ! какъ бы мнѣ хотѣлось ихъ видѣть!

„Кого это ихъ?“ размышлялъ Патрашъ, глядя на мальчика своими большими умными глазами.

Какъ-то разъ сторожъ вышелъ, и двери остались открытыми. Собака этимъ воспользовалась и проскользнула въ церковь. Патрашъ увидѣлъ Нелло, стоящаго передъ алтарнымъ образомъ Успенія, и тутъ же двѣ завѣшенныя картины. Нелло тихо выводилъ товарища за дверь и, заплакавъ, сказалъ:

— Какъ это ужасно, Патрашъ, что я не могу видѣть ихъ только потому, что я бѣденъ и не могу заплатить! Я увѣренъ, что великій художникъ Рубенсъ писалъ для всѣхъ, а не для однихъ богатыхъ! Между тѣмъ чудныя картины его показываютъ только тѣмъ, у кого много денегъ. Ахъ, Патрашъ! я, кажется, умеръ бы отъ радости, если бы могъ взглянуть на нихъ хоть разокъ!

Патрашъ понялъ теперь въ чемъ дѣло, но ничѣмъ не могъ помочь своему маленькому другу. Откуда бы онъ добылъ денегъ, которыя требовались отъ посѣтителя, желавшаго взглянуть на картины Рубенса? Оба это знали, но тѣмъ не менѣе сердце ребенка болѣзненно сжималось въ страшномъ желаніи увидѣть завѣшенныя картины.

IV.

Страсть къ искусству всецѣло овладѣла душою Нелло. Идя по старому городу, рядомъ съ большой собакой и телѣжкой съ молокомъ, мальчикъ уносился мечтой въ волшебное царство, царемъ котораго былъ знаменитый художникъ Рубенсъ. Голодный, оборванный, усталый, Нелло забывалъ всѣ невзгоды, погружаясь въ сладкія мечты. Въ бѣдномъ, безграмотномъ, одинокомъ мальчикѣ скрывался большой талантъ къ живописи, но никто этого не зналъ, и онъ самъ этого не подозрѣвалъ.

Только его неразлучный товарищъ Патрашъ видѣлъ, какъ онъ рисовалъ на камняхъ все, что было передъ нимъ, онъ слышалъ, какъ онъ часто по ночамъ благоговѣйно шепталъ имя Рубенса; онъ видѣлъ, какъ глаза Нелло темнѣли и восторженно искрились при вечернемъ закатѣ солнца или при тихомъ сіяніи зари, и часто чувствовалъ на своей мордѣ горячія слезы, падавшія изъ свѣтлыхъ глазъ ребенка.

— Я бы спокойно сошелъ въ могилу, Нелло, — говорилъ иногда старый Иванъ Даасъ, — если бы я зналъ, что у тебя будетъ всегда свой хижина и свой клочокъ земли.

Старому Ивану Даасу казалось высшимъ блаженствомъ имѣть свое хозяйство, и ничего лучша-

го онъ не могъ придумать для своего любимца. Но Нелло не влекло къ сельской жизни: онъ мечталъ сдѣлаться художникомъ. Передъ нимъ носились чудные образы, его волновало все, что было прекрасно. Но объ этомъ зналъ только Патрашъ, которому онъ шопотомъ повѣрялъ свои тайны, когда они шли на работу или когда они лежали вмѣстѣ на берегу среди шумѣвшихъ камышей.

Такія мечты трудно передать словами, да и не всякій ихъ пойметъ. Если бы старикъ зналъ о снахъ Нелло, онъ бы очень смутился и встревожился. Онъ вѣдь ничего не понималъ въ искусствѣ и считалъ грубыя лубочныя картинки, висѣвшія въ кабачкѣ, такими же красивыми, какъ самыя чудныя картины Рубенса.

Кромѣ Патраша, Нелло повѣрялъ свои смѣлыя мечты еще маленькой Алоизѣ, жившей въ старой красной мельницѣ, на пригоркѣ. Ея отецъ, мельникъ, былъ самый зажиточный крестьянинъ въ деревнѣ. Маленькая Алоиза была прехорошенькая дѣвочка съ круглымъ здоровымъ личикомъ и большими темными глазами. Она часто бывала въ обществѣ Нелло и Патраша. Они вмѣстѣ бѣгали по полю, играли въ снѣжки, рвали цвѣты и ягоды, вмѣстѣ ходили въ старую сѣрую церковь и часто сидѣли вмѣстѣ у веселаго огня въ домѣ мельника.

Маленькая Алоиза была самой богатой дѣвочкой во всей деревнѣ. У нея не было ни братьевъ ни сестеръ. Ея голубое шерстяное платьице никогда не было разорвано. На ярмаркѣ ей покупали много орѣховъ и всякихъ гостинцевъ, а когда она пошла первый разъ къ причастію, то ей надѣли на голову венчикъ изъ дорогихъ круженъ, перешедшихъ къ ней по наслѣдству отъ бабушки. Но она не думала о своемъ богатствѣ; она была простымъ

и веселымъ ребенкомъ и больше всего любила играть съ Нелло и съ его вѣрнымъ другомъ Патрашемъ.

Однажды отецъ ея, Когезъ, добрый, но нѣсколько грубый малый, наткнулся на прелестную картину: на большомъ лугу позади мельницы, на сѣнѣ, сидѣла его маленькая дочь; на колѣнкахъ у нея лежала большая голова Патраша; оба, ребенокъ и собака, были увѣшаны вѣнками изъ мака и васильковъ, а Нелло рисовалъ ихъ углемъ на чистой, бѣлой доскѣ.

Мельникъ остановился и взглянулъ на портретъ. Сходство было такъ поразительно, что глаза его наполнились слезами, потому что онъ очень любилъ свою маленькую дочь. Но скоро волненіе его прошло; онъ грубо выбранилъ дѣвочку за то, что она не помогаетъ матери, и прогналъ ее, испуганную и плачущую, домой. Потомъ онъ обернулся къ Нелло и вырвалъ у него доску изъ рукъ.

— Ты часто занимаешься этими глупостями?— спросилъ онъ грубо, но голосъ его слегка дрожалъ.

— Я рисую все, что вижу,—робко прошепталъ Нелло, сильно покраснѣвъ и опустивъ голову.

Мельникъ замолчалъ на минуту, потомъ протянулъ мальчику серебряную монету.

— Ты глупо тратишь время; но портретъ похожъ и доставитъ женѣ удовольствіе. Дай мнѣ его и возьми эти деньги.

Румянецъ исчезъ съ лица Нелло, онъ поднялъ голову и заложилъ руки за спину.

— Оставьте у себя и деньги и портретъ,—сказалъ онъ просто —вы часто были добры ко мнѣ.

Потомъ онъ подозвалъ Патраша и пошелъ черезъ поле домой.

Когезъ отправился на мельницу, сильно встревоженный.

— Алоиза не должна такъ часто бывать съ этимъ мальчикомъ, — сказалъ онъ вечеромъ женѣ: — онъ ей не товарищъ. Она богата, а онъ бѣденъ.

— Онъ — добрый и честный мальчикъ, — сказала жена, любуясь портретомъ, который она повѣсила надъ печкой, между часами съ кукушкой и восковымъ Распятіемъ.

— Да, это правда, — сказалъ мельникъ, осушая кружку пива.

— Такъ отчего же имъ не поиграть вмѣстѣ? — робко спросила мельничиха.

— Молчи, жена, не разсуждай. Я сказалъ, что онъ ей не товарищъ, ну, и баста! — грубо прервалъ ее мельникъ.

Бѣдная женщина испугалась и замолчала.

Дѣвочку не стали больше пускать къ Нелло. Нелло это замѣтилъ и оскорбился. Онъ не зналъ, въ чемъ провинился, и чувствовалъ какую-то несправедливость. Но онъ былъ гордый и впечатлительный ребенокъ; онъ самъ пересталъ заходить на мельницу, и когда маленькая Алоиза украдкой прибѣгала къ нему и довѣрчиво клала свою руку въ его руку, то онъ грустно улыбался и ласково говорилъ:

— Не приходи ко мнѣ, милая Алоиза, не серди своего отца. Онъ думаетъ, что я учу тебя лѣниться, и не хочетъ, чтобы ты была со мной!

Нелло вообразилъ себѣ, что мельникъ на него разсердился за то, что онъ осмѣлился нарисовать портретъ Алоизы.

Онъ больше никогда не заходилъ на мельницу, хотя привыкъ останавливаться у нея, идя домой, и весело здороваться съ ея обитателями, пока маленькая бѣлая ручка кидала Патрашу кость или корку хлѣба въ окно.

Теперь же собака глядѣла жалобно на запертую дверь, а мальчикъ, съ болью въ сердцѣ, быстро проходилъ мимо; дѣвочка, сидя на скамейкѣ у печки, видѣла, какъ они проходили, и слезы медленно капали на чулки, которые она вязала.

Дѣти встрѣчались все рѣже и рѣже; ихъ прежняя откровенность и веселость исчезли. Тѣмъ не менѣе, маленькая дощечка висѣла все время надъ печкой между часами съ кукушкой и восковымъ Распятіемъ, и Нелло недоумѣвалъ, почему его подарокъ принятъ, а онъ изгнанъ. Но онъ не жаловался: онъ привыкъ молча переносить горе и заботы. Старый Иванъ Даасъ часто ему говаривалъ:

— Мы бѣдны, мы должны все переносить, что Богъ намъ пошлетъ, и хорошее и дурное: бѣдняки не могутъ хотѣть.

Мальчикъ всегда выслушивалъ эти слова молча, потому что онъ глубоко почиталъ своего стараго дѣда; но какая-то смутная, сладкая надежда шептала ему на ухо: „Бѣдняки могутъ сдѣлаться великими, вопреки людямъ и судьбѣ“. Вѣра мальчика въ свои силы была такъ велика, что однажды, когда маленькая Алоиза прибѣжала къ нему вся въ слезахъ и стала разсказывать, что завтра ея именины и что родители не позволили ей пригласить его на свой маленькій ужинъ и дѣтскій праздникъ, Нелло нѣжно ее поцѣловалъ и сказалъ съ твердой увѣренностью:

— Не плачь, милая Алоиза. Со временемъ все измѣнится. Когда-нибудь и та дощечка, которую я подарилъ твоему отцу, будетъ продаваться на вѣсъ золота. Тогда отецъ твой не будетъ закрывать мнѣ двери. Люби меня, дорогая, маленькая Алоиза,—я буду великимъ художникомъ!

— А если я не буду любить тебя?— сказала дѣвочка, улыбаясь сквозь слезы.

Нелло устремилъ глаза вдаль, туда, гдѣ возвышался шпицъ собора, освѣщенный красно-золотымъ отблескомъ фламандской ночи.

— Я все-таки буду великимъ художникомъ, — отвѣтилъ онъ тихо: — я буду великимъ, или я умру, Алоиза!

— Значитъ, ты не любишь меня! — сказало избалованное дитя, отталкивая его отъ себя; но Нелло покачалъ головой, улыбнулся и пошелъ себѣ своей дорогой по темному золотистому полю.

Ему грезилось счастливое будущее. Вотъ онъ достигъ славы; его всѣ знаютъ, всѣ радостно встрѣчаютъ, и крестьяне шепчутъ другъ другу: „Смотрите, это великій художникъ! Его имя извѣстно всему міру; а вѣдь это былъ нашъ бѣдный, маленькій Нелло, который возилъ съ собакой молоко въ городъ“. И вотъ онъ одѣнетъ стараго дѣда въ дорогое сукно и бархатъ, а Патрашу купитъ золотой ошейникъ и скажетъ: „Вотъ мой товарищъ, вотъ тотъ, который былъ единственнымъ моимъ другомъ“. Тогда онъ выстроитъ большой бѣлый мраморный дворецъ, который будетъ стоять среди роскошныхъ садовъ, и тамъ будутъ жить всѣ бѣдныя, брошенныя дѣти, всѣ одинокіе способные юноши, стремящіеся къ хорошему и прекрасному, потому что онъ захочетъ, чтобъ всѣ были счастливы.

Эти свѣтлыя, безкорыстныя мечты такъ овладѣли имъ, что онъ чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ, шагая по пустынной дорогѣ, счастливый, — смотря на то, что были именины Алоизы и что дома его ожидалъ лишь скудный ужинъ, въ то время, какъ тамъ, на мельницѣ, всѣ деревенскія дѣти пѣли, веселились, ѣли сладкіе пироги и плясали въ овинѣ при свѣтѣ звѣздъ, подъ аккомпанементъ флейты.

— Ничего, Патрашъ! — сказалъ онъ, обнимая собаку, когда они сидѣли оба на порогѣ хижины, прислушиваясь къ долетавшимъ до нихъ съ мельницы взрывамъ веселья. — Ничего, Патрашъ! Все измѣнится!

Онъ вѣрилъ въ будущее; но Патрашъ находилъ, что вкусный ужинъ на мельницѣ лучше радужныхъ мечтаній о будущемъ.

И Патрашъ всегда ворчалъ, проходя мимо Баасa Когеза.

V.

— Сегодня именины Алоизы, не правда ли? — сказалъ старый Иванъ Даасъ, лежа въ углу на постели.

Мальчикъ кивнулъ головой; ему было бы гораздо пріятнѣй, если бы старикъ забылъ про этотъ день.

— Отчего же ты не пошелъ туда? — продолжалъ дѣдушка. — Въ прежніе годы ты не пропускалъ этого дня, Нелло.

— Ты слишкомъ боленъ; я не могу тебя оставить одного, — прошепталъ мальчикъ, опустивъ свою молодую, красивую голову.

— Ну, ну... Тетка Вулетта пришла бы и посидѣла бы со мной: она это дѣлала вѣдь не разъ. Въ чемъ дѣло, Нелло? Неужто ты поссорился съ маленькой Алоизой?

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка! — быстро проговорилъ мальчикъ, и лицо его залило густымъ румянцемъ. — Сказать правду, Баасъ Когезъ не пригласилъ меня нынче. Онъ что-то имѣетъ противъ меня.

— Но ты не сдѣлалъ ничего дурного?

— Кажется, ничего. Я нарисовалъ портретъ Алоизы на доскѣ. Вотъ и все.

— А!

Старикъ понялъ. Онъ лежалъ на постели изъ сухихъ листьевъ, въ углу убогой хижины, но онъ не забылъ людскихъ толковъ. Онъ нѣжно прижалъ бѣловурую голову Нелло къ своей груди и сказалъ своимъ старческимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Ты очень бѣденъ, дитя мое... Тебѣ тяжело на душѣ.

— Нѣтъ, я богатъ,—прошепталъ Нелло.

И дѣйствительно, восторженный юноша считалъ себя богатымъ, чувствуя въ себѣ могучія силы своего молодого таланта. Онъ вышелъ и долго стоялъ у дверей хижины въ эту тихую осеннюю ночь; онъ смотрѣлъ на звѣздное небо и на высокіе тополи, сгибавшіеся при колыханіи вѣтра.

Всѣ окна мельницы были освѣщены, и до него доносились звуки флейты. Слезы текли по его щекамъ, потому что онъ былъ еще ребенокъ; но онъ все-таки улыбался и шепталъ: „Въ будущемъ!“ Онъ стоялъ тутъ, пока все стемнѣло и затихло; тогда онъ съ Патрашемъ отправился домой; они легли рядомъ и крѣпко заснули.

VI.

У Нелло была одна тайна, о которой зналъ только Патрашъ. Хижина имѣла маленькую пристройку, въ которую никто не входилъ, кромѣ него. Это было скучное и некрасивое мѣсто, но ярко освѣщенное съ сѣвера. Здѣсь онъ себѣ устроилъ грубый деревянный мольбертъ *), и на большомъ листѣ простой сѣрой бумаги онъ изобразилъ одну изъ безчисленныхъ своихъ фантазій. Никто его никогда ничему не училъ; краски ему было

*) Мольбертъ—деревянная подставка, на которую художники ставятъ картину, когда ее пишутъ.

не на что купить; онъ часто лишалъ себя хлѣба, чтобы только достать бумаги; а рисовать онъ могъ только чернымъ или бѣлымъ. Онъ нарисовалъ мѣломъ стараго дровосѣка, сидящаго на пнѣ. Онъ часто видѣлъ, какъ дядя Михей такъ сидѣлъ по вечерамъ.

Онъ совсѣмъ не зналъ, какъ рисовать: онъ вѣдь никогда не учился; и все-таки картина его была удивительно хороша. Дядя Михей сидѣлъ какъ живой; морщинистое усталое лицо его дышало тихой печалью; оно говорило о многолѣтнемъ тяжеломъ трудѣ, объ одинокой старости, о цѣлой жизни терпѣнія и страданій... Его окружалъ мракъ наступающей ночи.

Конечно, картина была грубо нарисована, она имѣла много недостатковъ, но все же она была жива и прекрасна, какъ сама жизнь. У него была надежда, можетъ-быть, безумная надежда—послать этотъ рисунокъ въ Антверпенъ на состязаніе. Въ Антверпенѣ было объявлено, что каждый талантливый мальчикъ моложе восемнадцати лѣтъ можетъ представить свою самостоятельную работу мѣломъ или карандашомъ и что за лучшій рисунокъ будетъ дана награда въ двѣсти франковъ. Судьями были назначены три лучшихъ художника столицы.

Всю весну, все лѣто и всю осень Нелло работалъ надъ картиной, которая должна была, въ случаѣ успѣха, послужить ему первой ступенью къ независимости, открыть ему возможность изучить искусство, которое онъ такъ глубоко и страстно любилъ.

Онъ никому ничего объ этомъ не говорилъ: его дѣдъ не понялъ бы его, а маленькая Алоиза была потеряна для него Только Патрашъ, постоянно присутствовавшій при его работѣ, зналъ его тайну.

Рисунки должны были быть присланы перваго

декабря, а рѣшеніе объявлено двадцать-четвертаго, такъ что побѣдитель могъ весело встрѣтить Рождество съ своими родными и близкими.

Въ сумерки холоднаго зимняго дня, замирая отъ надежды и страха, Нелло положилъ свою большую картину на маленькую зеленую телѣжку, свезъ ее, съ помощью Патраша, въ городъ и оставилъ ее, какъ было условлено, у дверей общественнаго зданія.

„Можетъ-быть, она никуда не годится", думалъ онъ печально. Теперь, когда онъ оставилъ ее тамъ, ему показалось смѣшной и глупой мысль, что маленькій, бѣдный, босоногій, безграмотный мальчикъ могъ сдѣлать что-нибудь такое, на что взглянули бы великіе художники.

Чтобы ободрить себя, онъ вошелъ въ соборъ. Ему показалось, что во мракѣ встаетъ тѣнь Рубенса и говоритъ ему: „Не бойся, не будь трусомъ. Нужно быть смѣлымъ, чтобы достичь того, чего хочешь".

Нелло вернулся домой утѣшенный. Онъ сдѣлалъ все, что могъ; остальное онъ предоставлялъ волѣ Божьей.

Зима стояла суровая. Въ эту ночь, когда они дошли до хижины, выпалъ снѣгъ; онъ шелъ нѣсколько дней подъ рядъ и засыпалъ всѣ тропинки и дорожки въ полѣ. Всѣ рѣки замерзли, а морозъ все усиливался. Тогда стало дѣйствительно тяжело развозить молоко. Особенно тяжело было немолодому уже Патрашу, у котораго часто кости ныли. Но онъ никогда не отказывался отъ работы. Нелло хотѣлъ иногда поберечь его, и самъ тащилъ телѣжку, но Патрашъ этого не позволялъ. Единственную помощь, которую онъ принималъ, это—толчокъ сзади, когда телѣжка съ трудомъ тащилась по промерзлой дорогѣ.

— Останься дома, Патрашъ. Право, тебѣ пора отдохнуть; а я очень хорошо справлюсь съ телѣжкой,—часто упрашивалъ его Нелло, но Патрашъ самъ становился въ оглобли и храбро шелъ по снѣжному полю.

„Никто не долженъ отдыхать, пока живъ", думалъ Патрашъ, и иногда ему казалось, что скоро наступитъ ему пора отдохнуть. Его зрѣніе ослабѣло, а утромъ онъ съ трудомъ вставалъ; но это не мѣшало ему подниматься съ своей соломенной постели, какъ только часы часовни били пять и звали на работу.

— Мой бѣдный Патрашъ, мы скоро будемъ лежать спокойно въ могилѣ,—и ты и я,—сказалъ какъ-то старый Иванъ Даасъ, гладя по головѣ Патраша своею старой, сморщенной рукой, всегда дѣлившей съ собакой свою жалкую корку хлѣба.

И сердца старика и старой собаки мучились одной и той же мыслью: „Кто будетъ заботиться объ ихъ любимцѣ, когда ихъ больше не станетъ?"

VII.

Однажды, возвращаясь изъ Антверпена по бѣлому снѣгу, скрипѣвшему подъ ногами и покрывшему, какъ мраморомъ, всѣ фламандскія равнины, они нашли на дорогѣ хорошенькую маленькую куколку, одѣтую въ платье, вышитое золотомъ. Это была прехорошенькая игрушка. Такъ какъ Нелло не нашелъ ея хозяина, то онъ рѣшилъ подарить ее Алоизѣ.

Когда онъ подошелъ къ мельницѣ, уже совсѣмъ стемнѣло. Онъ зналъ маленькое окно ея комнаты. Подъ окномъ былъ навѣсъ съ покатой крышей; онъ влѣзъ на навѣсъ и тихонько постучался въ

окно; въ комнатѣ мерцалъ огонекъ. Испуганная дѣвочка открыла окно.

Нелло подалъ ей хорошенькую куклу.

— Я нашелъ куклу въ снѣгу, Алоиза, — прошепталъ онъ; — возьми ее, дорогая, и да благословитъ тебя Богъ!

Онъ соскочилъ на землю, прежде чѣмъ она успѣла поблагодарить его, и исчезъ во мракѣ ночи.

Въ эту ночь на мельницѣ случился пожаръ. Постройки и много пшеницы сгорѣло, но сама мельница и домъ, гдѣ жилъ мельникъ, остались невредимы. Вся деревня въ ужасѣ выскочила на улицу, а изъ города прискакали пожарные. У мельника все было застраховано, такъ что онъ ничего не терялъ; тѣмъ не менѣе онъ былъ страшно взбѣшенъ и громко говорилъ о поджогѣ.

Нелло, проснувшись ночью, побѣжалъ помогать вмѣстѣ съ другими. Баазъ Когезъ грубо его оттолкнулъ.

— Ты вечеромъ тутъ шатался, — сказалъ онъ рѣзко: — я увѣренъ, что ты хорошо знаешь, почему былъ пожаръ.

Нелло выслушалъ это молча, крайне удивленный, что въ такую минуту мельникъ можетъ шутить.

Но мельникъ повторилъ то же самое на слѣдующій день, и слухъ разнесся, что Нелло въ сумеркахъ шатался около мельницы, неизвѣстно зачѣмъ, и что онъ давно уже ненавидитъ мельника за то, что тотъ запретилъ ему играть съ маленькой Алоизой. Вся деревня трепетала передъ богатымъ мельникомъ, и, изъ угожденія ему, всѣ стали относиться холодно и подозрительно къ Нелло. Ему никто ничего не говорилъ прямо, но онъ видѣлъ, что всѣ къ нему измѣнились. Невинный и одинокій, Нелло не могъ бороться противъ мнѣнія всѣхъ.

Однажды мельничиха сказала мельнику:

— Ты очень жестокъ къ мальчику. Онъ честный и хорошій мальчикъ. Ему не могло и въ голову притти такое преступленіе, хотя ты и обидѣлъ его.

Но Баасъ Когезъ былъ упрямъ, и разъ онъ что-нибудь сказалъ, никогда не отступалъ отъ сказаннаго, какъ бы несправедливо оно ни было.

Между тѣмъ Нелло гордо и терпѣливо переносилъ всеобщія оскорбленія. Только Патрашъ видѣлъ его горе. Часто Нелло говорилъ себѣ: „Если я получу награду, можетъ-быть, они пожалѣютъ тогда!“

Но все-таки пятнадцатилѣтнему юношѣ, прожившему всю жизнь въ маленькомъ міркѣ и всюду встрѣчавшему ласку и привѣтъ, было тяжело видѣть, что весь этотъ маленькій мірокъ отвернулся отъ него. Особенно тяжело въ это холодное, зимнее время, когда можно было найти свѣтъ и тепло только у привѣтливыхъ деревенскихъ очаговъ. Въ зимнее время всѣ держались тѣснѣе другъ къ другу, но съ Нелло и Патрашемъ никто не хотѣлъ знаться: они были брошены на произволъ судьбы въ своей нетопленной хижинѣ. Часто они сидѣли безъ хлѣба, потому что изъ Антверпена за молокомъ сталъ ежедневно пріѣзжать торговецъ, и только трое или четверо крестьянъ остались вѣрны маленькой зеленой телѣжкѣ. Такимъ образомъ ноша Патраша стала совсѣмъ легка, и въ карманѣ Нелло,—увы!—стало очень пусто.

Патрашъ останавливался, по обыкновенію, какъ и прежде, у всѣхъ воротъ, которыя теперь запирались передъ нимъ, и смотрѣлъ жалобно на нихъ съ нѣмымъ укоромъ. Сосѣдямъ было тяжело закрывать свои ворота и свои сердца и видѣть, какъ

Патрашъ тащилъ пустую телѣжку; но изъ угожденія богачу Баасу Когезу они это дѣлали.

VIII.

Приближалось Рождество.

Стояли жестокіе морозы. Снѣгу выпало много а ледъ былъ такъ крѣпокъ, что по немъ свободно ходили пѣшіе и конные. Въ это время года вся деревушка принимала веселый и праздничный видъ. Въ самыхъ бѣдныхъ домахъ ѣли пироги и лакомства, шутили, танцовали; вездѣ украшали стѣны изображеніями святыхъ изъ сахара. Вездѣ звенѣли на лошадяхъ веселые фламандскіе бубенчики; въ каждой избушкѣ на плитѣ кипѣлъ и дымился горшокъ съ супомъ; по снѣгу то и ѣло бѣгали въ церковъ и изъ церкви разряженныя дѣвушки въ яркихъ платкахъ и теплыхъ юбкахъ; онѣ весело болтали и чему-то радовались и смѣялись. Только въ одной маленькой хижинѣ было темно и холодно.

Нелло и Патрашъ остались совсѣмъ одни на свѣтѣ. Передъ самымъ Рождествомъ смерть посѣтила ихъ домъ и унесла бѣднаго стараго Ивана Дааса, который всю жизнь зналъ одно горе и страданія. Онъ уже давно не могъ двигаться и еле говорилъ, но его любовь согрѣвала ихъ; его ласковая улыбка всегда встрѣчала ихъ, когда они возвращались усталые и голодные. Его смерть страшно поразила ихъ. Они горько плакали, провожая его, въ этотъ зимній день, до могилы у маленькой церкви. Кромѣ нихъ, никто не пожалѣлъ, никто не вспомнилъ добраго бѣднаго старика.

„Вѣрно ужъ теперь онъ будетъ добрѣе къ мальчику и позволитъ ему притти сюда!“ думала мельничиха, поглядывая на курящаго у очага мужа.

Баасъ Когезъ зналъ, о чемъ она думаетъ, но онъ былъ страшно упрямъ, и когда бѣдныя похороны прошли мимо нихъ, онъ не открылъ своихъ воротъ. „Этотъ мальчишка—нищій,—изъ-за упрямства думалъ онъ: — не хочу, чтобы онъ игралъ съ Алоизой“.

Мельничиха боялась своего мужа и не смѣла ничего сказать; но когда Нелло возвратился съ кладбища, она дала Алоизѣ вѣнокъ изъ безсмертниковъ и велѣла ей возложить его на свѣжую могилу.

Нелло и Патрашъ возвратились домой съ разбитыми сердцами. Судьба ихъ преслѣдовала: оказалось, что они лишены послѣдняго утѣшенія—своей бѣдной, но дорогой имъ хижины. Они задолжали хозяину за цѣлый мѣсяцъ, и онъ ихъ выгналъ вонъ. Послѣ похоронъ у Нелло не осталось ни одного гроша за душой; онъ пробовалъ просить у хозяина отсрочки, но грубый и скупой крестьянинъ не соглашался ждать. Въ уплату долга онъ забралъ всю посуду, всѣ пожитки ихъ и велѣлъ имъ на слѣдующее утро очистить квартиру. Печальную ночь провели мальчикъ и собака, сидя обнявшись въ темнотѣ у погасшаго очага. Ихъ тѣла привыкли къ холоду, но горе леденило ихъ сердца.

Утромъ,—это былъ какъ разъ сочельникъ,—Нелло горько заплакалъ, прижимаясь къ своему другу.

— Пойдемъ, дорогой Патрашъ,—шепталъ онъ,—пойдемъ, товарищъ, а то насъ выгонятъ отсюда!

И они медленно пошли... Было такъ рано, что ставни были еще почти всѣ заперты; но нѣкоторые поселяне уже вышли на улицу. Они не обратили никакого вниманія на проходившихъ мимо мальчика и собаку. У одного дома Нелло остановился и

нерѣшительно заглянулъ,—его дѣдушка когда-то оказалъ большія услуги обитателямъ этого дома.

— Не дадите ли вы Патрашу корочку?—спросилъ онъ робко.—Онъ старъ и ничего не ѣлъ со вчерашняго утра.

Женщина быстро захлопнула дверь; она что-то проворчала о дороговизнѣ ржи и пшеницы. Мальчикъ и собака устало побрели дальше; больше они уже не просили ни у кого.

Они дошли до Антверпена, когда городскіе часы били десять.

„Если бы у меня было что-нибудь такое, что я могъ бы продать, чтобы достать ему хлѣба!“ думалъ Нелло, но у него ничего не было, кромѣ грубаго платья и деревянныхъ башмаковъ, которые были на немъ надѣты.

Патрашъ угадалъ его мысли и ласково положилъ свою морду на руку мальчика, какъ бы прося его не безпокоиться о немъ.

Въ полдень должны были провозгласить имя счастливаго побѣдителя, выигравшаго награду за рисунокъ, и Нелло направился къ тому общественному зданію, гдѣ онъ оставилъ свою картину. Тамъ уже стояло много народа. Онъ боязливо пробрался впередъ, держась за Патраша.

Большіе городскіе часы громко пробили двѣнадцать. Открылись двери, и толпа заволновалась; всѣмъ было извѣстно, что избранную картину подымутъ надъ прочими на деревянномъ шестѣ.

Туманъ заволокъ глаза Нелло, его голова закружилась, ноги подкосились. Когда онъ оправился немного, онъ увидѣлъ поднятую картину: это былъ не его рисунокъ. Медленный звучный голосъ громко объявилъ, что награда присуждена Стефану Кислингеру, уроженцу Антверпена, сыну ночного сторожа.

Нелло, придя въ сознаніе, увидѣлъ себя лежащимъ на каменныхъ ступеняхъ зданія. Патрашъ суетился около него, стараясь привести его въ себя; а вдали толпа антверпенскихъ юношей провожала радостными криками своего счастливаго товарища.

Мальчикъ вскочилъ на ноги и обнялъ собаку.

— Все кончено, дорогой Патрашъ,—прошепталъ онъ,—все кончено!

Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, такъ какъ очень ослабѣлъ отъ голода, и опять побрелъ въ деревню. Патрашъ плелся рядомъ, низко опустивъ свою мохнатую голову.

Снѣгъ быстро падалъ; рѣзкій вѣтеръ дулъ съ сѣвера; въ равнинѣ было смертельно холодно.

Долго шли они домой: часы били четыре, когда они стали подходить къ деревушкѣ. Вдругъ Патрашъ остановился, почуявъ что-то въ снѣгу; онъ сталъ царапаться, визжать и, вытащивъ изъ-подъ снѣга коричневый кожаный бумажникъ, поднесъ его Нелло. Было темно, но подъ крестомъ Распятія, стоявшаго на этомъ мѣстѣ, тускло горѣлъ фонарь.

Мальчикъ машинально повернулъ бумажникъ къ свѣту: на немъ стояло имя Бааса Когеза, а внутри Нелло нашелъ шесть тысячъ франковъ *) кредитными билетами. Эта находка вывела мальчика изъ оцѣпенѣнія. Онъ засунулъ бумажникъ за пазуху, погладилъ Патраша и позвалъ его. Собака пристально взглянула ему въ лицо.

Нелло прошелъ прямо на мельницу; онъ подошелъ къ двери и постучался. Мельничиха, вся

---

*) Шесть тысячъ франковъ—это двѣ тысячи рублей на русскія деньги.

въ слезахъ, открыла ему. За нею стояла Алоиза, держась за ея юбку.

— Это ты, бѣдный мальчикъ? — спросила она ласково сквозь слезы. — Уходи скорѣй и не попадайся на глаза Баасу Когезу. Съ нами сегодня случилось большое несчастіе. Онъ ушелъ искать деньги, которыя обронилъ, ѣхавши домой; но теперь трудно найти ихъ въ снѣгу. Для насъ это полное разореніе. Видно, Богъ насъ наказываетъ за то зло, которое мы тебѣ сдѣлали.

Нелло отдалъ ей бумажникъ и позвалъ Патраша въ домъ.

— Патрашъ нашелъ деньги сегодня ночью, — сказалъ онъ торопливо. — Скажите это Баасу Когезу: онъ, вѣроятно, не откажетъ старой собакѣ въ пищѣ и убѣжищѣ... Не позволяйте ей бѣжать за мной и прошу васъ, будьте добры къ ней.

И прежде чѣмъ кто-либо понялъ его намѣреніе, онъ наклонился, поцѣловалъ Патраша, быстро захлопнулъ за собой дверь и исчезъ во мракѣ ночи.

Женщина и ребенокъ не могли притти въ себя отъ неожиданной радости. Онѣ принялись ласкать Патраша: принесли ему сладкихъ пирожковъ, кусокъ говядины и старались согрѣть его у теплаго очага. Но все было напрасно. Безутѣшный Патрашъ не отходилъ отъ двери.

Въ шесть часовъ вернулся усталый и измученный мельникъ.

— Деньги пропали, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Мы вездѣ искали съ фонаремъ. Приданое дѣвушки и все наше имущество пропало.

Мельничиха подала ему бумажникъ и разсказала все. Суровый старикъ весь задрожалъ и упалъ, взволнованный, на стулъ.

— Я былъ жестокъ къ мальчику, — прошепталъ

TIGHT BINDING

онъ наконецъ.—Я не заслужилъ, чтобы онъ такъ поступилъ со мной.

Маленькая Алоиза рѣшилась подойти къ отцу и прижалась къ нему своею бѣлокурой головкой.

— Нелло можетъ опять притти сюда, папа?— спросила она шопотомъ.—Онъ можетъ притти завтра попрежнему?

Мельникъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Его строгое загорѣлое лицо было очень блѣдно, а губы дрожали.

— Конечно, конечно!—отвѣчалъ онъ.—Онъ проведетъ Рождество съ нами вмѣстѣ; пусть онъ приходитъ, когда хочетъ. Я очень виноватъ передъ нимъ, но съ Божьей помощью я постараюсь загладить свою вину.

Обрадованная Алоиза весело поцѣловала отца, спрыгнула съ его колѣней и побѣжала къ сидѣвшей у двери собакѣ.

— Сегодня я могу угощать Патраша!—закричала она съ ребяческой радостью.

Ея отецъ опустилъ голову.

— Да, да, угощай собаку всѣмъ, что есть лучшаго,—сказалъ взволнованный старикъ.

По случаю сочельника, на мельницѣ были сливки, медъ, всякія яства и лакомства; стѣны были разукрашены вѣнками и разноцвѣтными фонариками. Все было уютно, тепло и свѣтло. Дѣвочка усиленно угощала собаку, но Патрашъ ничего не принималъ. Онъ весь продрогъ и былъ очень голоденъ, но безъ Нелло онъ отказывался отъ тепла и отъ ѣды. Онъ сидѣлъ у самой двери, только и думая, какъ бы улизнуть.

— Онъ ждетъ мальчика,—сказалъ Баасъ Когезъ. — Добрая собака! Я пойду къ мальчику, какъ только разсвѣтетъ.

Въ кухнѣ мельника было очень тепло; большія

дубовыя поленья трещали и горѣли въ печкѣ; сосѣди то и дѣло заходили выпить кружку пива и закусить жаренымъ гусемъ, заготовленнымъ къ ужину. Маленькая Алоиза, радуясь, что завтра товарищъ ея игръ снова вернется къ ней, бѣгала и танцовала. Баасъ Когезъ весело улыбался, глядя на нее, и говорилъ, что онъ обезпечитъ ея маленькаго друга. Хозяйка сидѣла, счастливая, у своего веретена; кукушка какъ-то весело выкрикивала часы. Всѣ ласкали и угощали Патраша, но для него не было радостей безъ Нелло.

Когда на столѣ появился ужинъ, и гости громко и весело заговорили, когда Алоиза стала подносить рождественскіе подарки—Патрашъ воспользовался удобной минутой: онъ быстро проскользнулъ въ дверь, оставленную открытой, и выбѣжалъ на улицу, въ темную холодную ночь. У него была только одна мысль: найти Нелло.

IX.

Всю ночь шелъ снѣгъ и занесъ слѣдъ отъ шаговъ Нелло. Ночь была бурная. Лампы подъ стоящими на дорогѣ крестами погасли; непроницаемый мракъ скрывалъ всѣ жилища; не видать было ни одного живого существа. Всѣ пировали и веселились въ теплыхъ домахъ, только Патрашъ, старый, голодный Патрашъ, бродилъ во тьмѣ ночной, дрожа отъ холода. Его поддерживала всесильная, беззавѣтная любовь.

Было уже далеко за полночь, когда Патрашъ отыскалъ слѣдъ Нелло въ темныхъ, извилистыхъ улицахъ города. Въ городѣ было совершенно темно. Изрѣдка лишь виднѣлся огонекъ сквозь щели ставень, или веселые гости возвращались съ фонарями домой. Слышенъ былъ только глухой

TIGHT BINDING

свистъ бушующаго вѣтра, срывавшаго вывѣски и потрясавшаго высокіе фонарные столбы.

Сколько прохожихъ прошло по снѣгу, столько слѣдовъ перекрещивалось, такъ что Патрашу было трудно не потерять слѣда своего друга. Но усталый, голодный Патрашъ не отчаивался и снова находилъ его и шелъ дальше, не обращая вниманія на морозъ и непогоду. Ледъ рѣзалъ ему лапы, вѣтеръ пронизывалъ его до костей, но онъ все шелъ дальше. Онъ направлялся къ собору.

Двери собора остались открытыми послѣ всенощной. Патрашъ увидѣлъ слѣдъ на каменныхъ плитахъ. Онъ послѣдовалъ за нимъ среди глубокой тьмы и тишины собора и очутился передъ алтаремъ. Нелло лежалъ на полу передъ вратами алтаря. Патрашъ неслышно подошелъ къ нему и коснулся лица мальчика.

„Неужто ты думалъ, что я оставлю тебя?—казалось, говорила его ласка.—Вѣдь я твой другъ".

Мальчикъ слабо вскрикнулъ и горячо его обнялъ.

— Умремъ вмѣстѣ,—прошепталъ онъ.—Мы никому не нужны... Мы всѣми покинуты.

Въ отвѣтъ на это, Патрашъ подползъ еще ближе и положилъ свою голову на грудь мальчика. Въ его большихъ темныхъ глазахъ стояли слезы.

Они крѣпко прижимались другъ къ другу. Ночь была страшно морозная. Внутри большого каменнаго собора было еще холоднѣе, чѣмъ въ полѣ. Иногда летучая мышь мелькала въ окнахъ, и лучъ свѣта проникалъ подъ темные своды. Отъ холода они заснули. Имъ обоимъ снились прежніе счастливые дни, когда они бѣгали вмѣстѣ по зеленымъ лугамъ и сидѣли у рѣки въ высокихъ камышахъ, смотря на плывшія мимо лодки.

Вдругъ бѣлый, яркій свѣтъ ворвался въ соборъ

и освѣтилъ его почти какъ днемъ. Это была луна. Бѣлый свѣтъ падалъ прямо на двѣ картины Рубенса, съ которыхъ мальчикъ, при входѣ, сорвалъ покровъ. Нелло проснулся и вскочилъ на ноги.

— Наконецъ, я ихъ вижу!—воскликнулъ онъ громко, радостно простирая руки къ картинамъ. Слезы восторга струились по его лицу.—О, Господи, благодарю Тебя!

Тутъ его ноги подкосились, и онъ упалъ на колѣни, не сводя глазъ съ чудныхъ картинъ. Еще мгновеніе—и свѣтъ исчезъ, глубокій мракъ снова окуталъ все вокругъ, и Нелло упалъ на грудь Патрашу.

X.

Утромъ жители Антверпена нашли ихъ у алтаря въ соборѣ. Они оба умерли въ эту морозную ночь. Надъ ними висѣли раскрытыя картины Рубенса, при чудномъ солнечномъ освѣщеніи.

Пришелъ въ соборъ суровый старикъ и горько заплакалъ. Онъ говорилъ:

— Я былъ жестокъ къ мальчику. Чтобы искупить свою вину передъ нимъ, я рѣшилъ отдать ему половину моего состоянія и сдѣлать его своимъ сыномъ.

А потомъ пришелъ знаменитый художникъ.

— Я ищу того замѣчательнаго мальчика, — сказалъ онъ, — который долженъ былъ бы, по справедливости, получить награду. Онъ нарисовалъ очень простую картину—стараго усталаго дровосѣка,—но удивительную по силѣ таланта. Я хочу взять этого геніальнаго мальчика къ себѣ и научить его живописи. Со временемъ онъ будетъ знаменитымъ художникомъ.

А еще позже пришла маленькая бѣлокурая дѣ-

вочка съ шелковистыми кудрями. Она страшно рыдала, прижимаясь къ рукѣ отца, и съ отчаяньемъ звала Нелло:

— Нелло! милый, дорогой Нелло, пойдемъ! Проснись и пойдемъ, дома все уже готово для тебя!

Но блѣдное молодое лицо, обращенное къ чуднымъ картинамъ Рубенса, казалось, съ улыбкой говорило имъ всѣмъ: „Поздно!“

Звонкіе колокола весело трезвонили въ морозномъ воздухѣ; солнце ярко освѣщало снѣжныя равнины, и народъ радостно толпился на улицахъ. Но Нелло и Патрашъ уже не просили у нихъ милостыни: имъ вѣдь больше ничего не нужно было.

Всю свою жизнь они прожили вмѣстѣ—и въ смерти они были неразлучны. Когда ихъ нашли, руки мальчика такъ крѣпко сжимали собаку, что ихъ нельзя было отнять безъ усилія. Ихъ похоронили вмѣстѣ.

КОНЕЦЪ.

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Москвы и С.-Петербурга.